

нием творческих потенциалов человечества, а так же культурных различий в современном мире. Нивелировка различий и приведение «всех и вся» к единому социально-культурному стандарту вызывает разрушительные явления на разных уровнях общественной жизни, разнообразие же культур составляет необходимый запас общественной прочности, свидетельствует о противостоянии энтропийным процессам и существовании в обществе инновационного потенциала, который может быть в любой момент востребован в процессе развития. Его стратегии требуют постоянно поддерживаемой культурной дифференциации и взаимовлияния культур.

Известный отечественный философ М.С. Каган подчеркивал, что на рубеже II и III тысячелетий, «когда развитие цивилизации сделало невозможным глобальное применение силы и насилия для решения основных противоречий бытия человечества без угрозы его самоуничтожения, у него не остается никакого выбора, кроме диалогического способа связей человека с человеком, поколения с поколением, класса с классом, нации с нацией... ибо спасти человечество в этой критической фазе его развития может только сознание его единства – и социального единства, и исторического. Именно диалог есть средство обретения этого единства» [8, с. 404-405].

Литература

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989.
2. Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа. – 1970. – №2.
3. Бромлей Ю.В. Очерки истории этноса. – М., 1983.
4. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987.

5. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. – 1998. – №4.

6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990.

7. Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность» // Этнографическое обозрение. – 1997. – №3.

8. Каган М.С. Философия культуры. – СПб., 1996.

9. Козлов В.И. Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение. – 1995. – №4.

10. Куличенко М.И. Против буржуазных теорий нации // Вопросы истории КПСС. – 1978. – № 12.

11. Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии этнос: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. – 1998. – №6.

12. Рыбаков С.Е. Философия этноса. – М., 2001.

13. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. – СПб., 1997.

14. Тишков В.А. Нация. Теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы метод. симпозиума 18-20 апреля 1994. – 4.1. – М., 1994.

15. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1997. – №3.

16. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. – М., 1985.

17. Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. – 1995. – №4.

18. Широкогоров С.М. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923.

19. Geertz C. The Iterative Revolution Sentiments and Civil Politics in the New States // Geertz C. The Interpretation of Culture: Selected Essays. – New York, 1973.

Затеев Владимир Иосифович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: bsu.philos@mail.ru.

Zateev Vladimir Iosifovich, doctor of philosophical science, professor, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: bsu.philos@mail.ru.

УДК 1 : 398

© А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов

НАЦИЯ И ЭТНОС: РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Анализируя глобальную активизацию этничности, авторы рассматривают этнос и нацию не как взаимоисключающие, а как устойчиво сосуществующие социальные группы. Различие феноменов этноса и нации заключается не в характеристиках принадлежности (язык, территория и др.), как внешних атрибутах, а в механизмах воспроизводства и функционирования: непосредственной социальной наследственности для этноса и взаимодействия индивида с институтами государства и гражданского общества для нации. Порожденный глобализацией системный кризис нации ведет к активизации этнических социальных структур и этнического сознания.

Ключевые слова: глобализация, этнос, этничность, нация, национальность, государство, социальная группа, идентичность.

ETHNOS AND NATION: DISTINCTION BETWEEN THE TERMS IN THE GLOBALIZATION CONTEXT

Analyzing global ethnicity activization, authors consider ethnos and the nation, not as mutually exclusive, but as steadily coexisting social groups. Distinction of phenomena of ethnos and the nation consists not in accessory characteristics (language, territory, etc.), as external attributes, and in reproduction and functioning mechanisms – the direct social heredity for ethnos and by means of interaction with political institutes and a civil society for the nation. The system crisis of the nation generated by globalization conducts to compensating activity of ethnic social structures and ethnic consciousness.

Key words: globalization, ethnos, ethnicity, nation, nationality, the state, social group, identity.

Вопреки ожиданиям двадцатого века, одной из ведущих глобальных проблем, атрибутом глобализации, становится повсеместная актуализация этнической и национальной проблематики. С одной стороны, наблюдается глубокий кризис даже благополучных в материальном плане гражданских наций «первого мира». С другой стороны, на фоне кризиса гражданских наций идет повсеместный «ренессанс» этничности и религиозности, не находящий достаточно объяснения в рамках известных социологических и исторических подходов, часто рассматривающих нацию как развитие этноса и определяющих эти социальные группы через характеристики принадлежности – общность языка, территории и культуры и т.п.

Сложность проблемы лежит не только в практической, но и в теоретической плоскости. Практически все современные исследователи отмечают сохраняющуюся многозначность понятий национального и этнического, в которые различные научные школы вкладывают собственное содержание. Фактически чуть ли не в каждой научной работе используется свой вариант определения «нации», «этноса» и смежных терминов, который действует только в ее пределах ее контекста. Что касается использования терминов вне научного дискурса, в том числе – в политическом контексте, то здесь царит полный произвол.

Вместе с тем, споры вокруг понятий «этноса» и «нации», воспринимаемых то как синонимы, то как категориальная пара, – закономерное отражение нарастающей общественной актуальности этнонациональной сферы, затрагивающей наиболее значимые и глубокие основы жизни общества. Налицо объективно происходящий кризис и одновременно – конфликт системообразующих социальных групп, а также конфликт альтернативных идентичностей, идущий не в локальном, а в глобальном масштабе.

В этих условиях отказ от научного исследования этнонациональной сферы, часто мотиви-

руемый неопределенностью и субъективностью категориального аппарата социологии, есть отказ от научного познания общества как такового, причем в момент, когда наличие адекватной теории прямо влияет на ход событий.

Среди основных подходов к трактовке понятий этноса и нации обычно выделяются следующие направления:

- Примордиалистский подход (К.Гирц, П. Ван ден Берге, С.Гринберг, Б.Малиновский, Э.Рэдклифф-Браун, Э.Смит, У.Коннор и др.), трактующий этнос как эволюционно сложившуюся социальную общность с объективными характеристиками принадлежности: территория, язык, расовый тип, религия, психический склад, культура и т.д. К этой традиции можно отнести и работы Л.Н. Гумилева, определявшего этнос как социобиологическое явление, единство социума с окружающей средой.

- Конструктивистский подход (Б.Андерсон, Э.Хобсбаум, В.А. Тишков, и др.) объясняет и национальную, и этническую идентичность как сконструированную реальность, а не как объективную данность.

- Достаточно близок к конструктивизму инструменталистский подход (С.Олзак, Дж. Нейгел, Ф.Барт), исходящий из того, что этничность детерминруется ситуационно.

- Теория этноса (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов, М.О. Мнацакян и др.) в объяснении этничности имеет сходство с примордиализмом, однако с учетом того, что каждой социально-экономической формации свойственен свой, особый, тип этнической общности, которая подвергается модификации.

По нашему мнению, ключ к этническому и национальному, образующим скорее категориальную, чем синонимическую, пару, следует искать не в сфере психологии (самосознания), а в области социальных явлений, формирующих сознание, но при этом поддающихся объективному анализу в рамках современной социологии.

В частности, противоречие между категориями «национального» и «этнического» может быть продуктивно разрешено на пути разграничения области применимости основных подходов – конструктивистского и примордиалистского – и поиска максимально объективных критериев дифференциации нации и этноса как пересекающихся, но несовпадающих социальных групп.

Ранее авторы предположили, что различие феноменов этноса и нации следует искать в механизме воспроизводства и функционирования этноса и нации как социальных групп [1,2]. Поэтому создание адекватной практике глобализации социологической теории требует четкого разграничения сфер этнического и национального, основанного не на внешних атрибутах, а на сущностных особенностях этноса и нации как устойчиво сосуществующих, но качественно различных социальных групп, связанных с различными социальными позициями (социальными ролями), имеющие разный генезис и динамику развития.

Механизм воспроизводства этноса – непосредственная социальная наследственность, основанная на длительном и тесном социальном взаимодействии и транслирующая этничность через образ (способ) жизни и структуры повседневности. Это означает, что и в эпоху глобализации этнос составляет повседневную социальную среду большинства населения. Таким образом, этнос не исчез в ходе трансформации в нацию, а был обратимо вытеснен из сферы политики на бытовую, латентный, уровень, в сферу межличностных отношений, частной и семейной жизни.

Механизм воспроизводства нации – сфера политики и государственного управления, взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством.

Основным препятствием для понимания динамики этничности в условиях индустриализма и постиндустриализма является убеждение в «остаточности» и, соответственно, все меньшей актуальности этничности, якобы быстро и необратимо уничтожаемой в ходе дивергентных социальных процессов – изменения образа жизни (урбанизация, миграция), унификации массовой культуры. С точки зрения традиционной этнографии и фольклористики, этносы, особенно государствообразующие, «исчезли» в результате дивергентных процессов еще в середине про-

шлого века. В то же время, полевые социологические исследования, включая переписи, уверенно фиксируют наличие у подавляющего большинства населения, включая население мегаполисов, отчетливой и устойчивой этнической идентичности, отличной от национально-государственной.

Из этого можно сделать вывод, что этнос и нация – не сменяющие друг друга стадии развития, но параллельные, сосуществующие и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот. Являясь субстратом для политического строительства, этносы с их социобиологической компонентой сохраняются при смене политической власти и общественных формаций.

Перспективность предлагаемого авторами подхода подтверждается тем, что дифференциация этнического и национального по сфере действия и генезису совпадает с существующим разграничением теоретических подходов к этносу на конструктивистские (включая инструментализм) и примордиалистские, снимая казалось бы, непреодолимые, теоретические противоречия между данными направлениями.

Так, в рамках предлагаемого подхода к разграничению сфер этнического и национального можно видеть, что конструктивизм более адекватно описывает сферу национального с ее политическим генезом и высокой изменчивостью. В то же время, конструктивизм уязвим при объяснении этнических явлений и их исторической эволюции, в частности, редуцируя современную этничность до результата политической пропаганды.

Соответственно, примордиалистские подходы к этносу, избавленные от необходимости описывать политические процессы государственного и национального строительства, также приобретают новое качество, позволяя анализировать явления этнического порядка на стадиях индустриализма и, в особенности, на стадии глобализации, где этнизм внезапно обрел «второе дыхание».

Достаточно предположить, что на стадии национального государства государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, уходя в тень наций, и вновь проявляются в условиях социального регресса, при кризисе институтов национального государства – локальном или глобальном.

Отсюда можно предположить, что ведущая роль национальной идентичности и государст-

венных социальных институтов часто подавляет, но не устраняет социальные роли и позиции, связанные с более архаичными и инерционными социальными институтами, прежде всего – с этнической и религиозной идентичностью. И если для государствообразующих этносов происходило смешение национальной (национально-государственной) и этнической идентичности, создающее иллюзию «превращения этноса в нацию», то в развитом национальном государстве у этнических меньшинств формировалась двойная идентичность с ведущей ролью национальной.

Соответственно, при кризисе национального государства, влекущего ослабление у его населения общенациональной идентичности и солидарности, этническая идентичность становится ведущей – сначала у представителей этнических меньшинств с характерной для них «двойной лояльностью» и двойной идентичностью. Однако по мере деградации государственных институтов, перестающих обеспечивать интересы граждан, нарушается идентификация с государством и его элитами и государствообразующих этносов, последствия чего обычно фатальны для политической надстройки.

Ослабление институтов национального государства и нации как интегрирующей социальной группы объективно ведет к их замещению архаичными формами социальной организации, ранее находившимися «в тени» процветающих гражданских наций. Архаизация общественного сознания, дробление прежде единой нации на этнические фрагменты вступает в противоречие с современными формами общественного производства, и это несоответствие приобретает все более явные формы не только «холодных» и «горячих» этнических конфликтов, но и системного регресса всего общества.

В любом случае повсеместная актуализация религиозного сознания и архаичного, восходящего к неолиту, этноса и на фоне кризиса нации, как социального института, обеспечивавшего социально-экономический прогресс последних двухсот лет, является как индикатором, так и действенным фактором ускорения и генерализации постиндустриального регресса.

Один из распространенных подходов к проблеме национально-этнического дуализма, характерный для многих исследователей, – абсолютизация связности этнического и национального, представление их в качестве неразрывной целостности, членение и анализ которой якобы «разрушает» сам предмет изучения. Однако, на наш взгляд, связность явлений, образующих систему (в данном случае – сферу этнонацио-

нальных отношений) не означает и не может означать запрета на анализ этой системы, ее декомпозицию на элементы и связи.

Более того, именно расчленение этнонациональной «неразрывности» на собственно этническую и национально-государственную компоненты снимает противоречия обоих подходов, разграничивая области их применимости.

Так, примордиализм адекватно описывает эволюцию этносов и других общностей, формируемых механизмами непосредственной социальной наследственности (традиции).

В то же время конструктивизм, лишенный «обязанности» объяснять и политическую и этническую компоненты единой теорией, гораздо лучше описывает политическую сферу и связанные с ней социальные группы, в первую очередь – нации и элиты.

Что касается неразрывности этнического и национального, то она действительно проявляется через феномен одновременного участия – параллельное членство индивидов в соответствующих социальных группах (нация и этнос), а также через механизм двойной и множественной идентичности с характерной для современности неустойчивостью иерархии идентичностей.

Одним практических доказательств параллельного существования нации и этноса как самостоятельных социальных групп со специфическими для каждой особенностями генеза, воспроизводства и набором социальных статусов и ролей является широкая распространенность полиэтнических наций и полинациональных этносов: границы этноса могут включать более одной гражданской нации, границы нации обычно шире отдельного этноса.

Так, большинство европейских наций включают заметную долю иноэтнического населения, представляющего, в частности, государствообразующие этносы соседних государств, но при этом полностью интегрированных в гражданскую нацию государства проживания, как, например, проживающие во Франции итальянцы. Нация швейцарцев состоит из этнических германцев и этнических французов, финская нация включает заметный процент неассимилированных шведов и т.п.

К типичным полиэтническим нациям, члены которых устойчиво сохраняют групповую этническую идентичность, можно отнести американскую нацию. Успешным примером национального строительства, опровергающим распространенный после распада СССР тезис о «неизбежности» распада «империй», под которыми понимаются полиэтнические государства с компактным расселением этнических меньшинств,

может служить Индия, где этносы, в отличие от США, расселены в пределах исторически сложившихся этнических территорий.

Одним из доказательств самостоятельного бытия этноса и нации – несовпадение социальных статусов и ролей, связанных с каждой из данных групп, но при этом входящих в «статусный набор» – совокупность социальных ролей и позиций, связанных с членством индивида в различных социальных группах, что известно в социологии как «феномен одновременного участия». В условиях социальной нестабильности проявлением этого феномена становится конфликт социальных статусов, связанных с различными группами [3].

Другим проявлением феномена одновременного участия индивида в нации и в этносе как двух самостоятельных и различных по социальной природе социальных группах является распространенность многонациональных этносов, то есть этносов, составляющих существенную долю населения более чем одного государства. Используемое в международном праве понятие «разделенных народов» более узко, так как используется применительно к конфликтным ситуациям. В целом, этносы, разделенные между несколькими государствами и входящие в состав соответствующих наций – распространенное в мире явление [4].

Этнос как более инертная и архаичная социальная группа устойчиво сохраняется при многократных трансформациях политической надстройки и, соответственно, национальной идентичности и массового сознания. Так, в 19 веке раздробленный, но достаточно единый в культурно-языковом отношении германский этнос был объединен в составе монархий Австро-Венгрии и Пруссии, после передела Первой мировой войны составил основу гражданских наций Германии и Австрии, пережил «аншлюсс» Австрии Третьим Рейхом, после Второй Мировой был разделен между Австрией, ФРГ и ГДР и после объединения двух германских наций продолжает существование в условиях евроинтеграции и глобальной экономики, не ассимилируясь с растущей турецкой этнической диаспорой, интегрированной в состав германской политической нации.

Характерно, что приоритет национальной идентичности, имеющей политический, гражданско-правовой генез, свидетельствует о высокой устойчивости, управляемости социума, наличии спланированного общества национальных интересов, в том числе – привлекательного для всех страт общенационального проекта разви-

тия, общей для нации исторической перспективы.

Утрата же национальной идентичностью ведущей роли, актуализация этнического и религиозного самосознания обычно связаны с политическим и идеологическим кризисом политического режима, исчерпанием принятой модели развития общества, регрессом социальных структур и институтов.

Кризис нации как ведущей, наиболее рационально и системно организованной социальной группы сопровождается конфликтом социальных статусов, связанных с национальной и этнической принадлежностью, нарастающей этнической фрагментацией общества, а в случае компактного расселения этнических меньшинств возможны и сепаратистские тенденции.

Процесс первоначальной дифференциации этноса и нации как тесно связанных, но качественно различных социальных групп хорошо просматривается в исторической ретроспективе.

Параллельное развитие этнического и национального начинается со стадии родоплеменного общества, в котором начинается выделение протополитической компоненты – института вождей и старейшин, сначала выборных, а со временем и наследственных.

Заметная дифференциация этнической и национальной (национально-политической) компонент начинается на этапе разложения родоплеменного строя, начала имущественной дифференциации и, что самое важное, на этапе образования достаточно широких межплеменных союзов как явно выраженной политической компоненты. Именно на стадии разложения родоплеменной социальной общности формируются т.н. «характеристики принадлежности», лежащие в основе классической этнологии – этническая территория, общность языка, общность культуры, включая религию, взглядов на прошлое и историческую перспективу.

На этой же стадии формируется слой политических элит – в основном, военной и жреческой аристократии, как основа протонации – страты, связанной с управлением, военным захватом, ремеслом и торговлей, которая начинает отделяться от низовых общин с их обычным правом и натуральным хозяйством. Подчеркнем, что это отделение не означало разрыва личных связей военной элиты и горожан с сельскими общинниками – речь шла о разрыве структурных связей протонации и раннего этноса, обособлении социальных групп на почве объективного формирования групповых интересов и группового самосознания. В частности, явные

признаки такой дифференциации вождей и рядовых общинников прослеживаются в произведениях Гомера как своеобразного социального портрета греческого мира на раннем этапе формирования полисной системы.

Моментом разделения этнической и политической компонент общественной жизни следует считать образование вторичных протогосударств, охватывающих разнородные этнические территории единым политическим управлением и интегрирующем этнические аристократии в единую страту.

Именно с этого момента можно отсчитывать историю государства как качественно нового в сравнении с этносом, политического типа общественного организма, для которого характерна высокая скорость образования, развития и независимость от этнического базиса, однородность которого уже не имела решающего значения.

В отличие от традиционного этноса, новые социальные институты имели качественно другой механизм формирования. Новым качеством стало возникновение явного и непосредственного, волевого социального конструирования властью государственных структур и институтов, в том числе – прямого и непосредственного «конструирования» элит высшими эшелонами политической власти. Эпоха мифологических культурных героев сменилась эпохой исторических деятелей, не только совершающих военные подвиги, но непосредственно творящих общественные институты в сроки, несопоставимые с темпами эволюции традиционного общества.

Качественным отличием этнической и политической (национальной) компонент развития, отражающим различие механизмов функционирования (социальная наследственность для этноса и политическое конструирование национальное строительство – для государств), является динамика становления и развития. В отличие от этносов, крупные полиэтнические государства зачастую создавались и распадались за считанные годы и десятилетия, почти не затрагивая рутинной этнической жизни входящих в них исторических провинций.

Таким образом, несовпадение и разнокачественность этнической и национально-государственной компонент социума, в 20 веке маскируемая расширением нации и вытеснением этнизма на периферию общественной жизни, хорошо просматривается в исторической ретроспективе.

Более того, в социумах античности и средневековья этническая и политическая составляющие общества были более четко дифференцированы (в том числе на уровне самосознания,

идентичности), а соответствующие социальные группы в меньшей степени пересекались.

И действительно, одним из важных ключей к разграничению понятий нации и этноса является этимология и историческая эволюция самого понятия «нация».

Первоначально возникнув в Риме, понятие нации (*patio*) включало не все население, а политизированные страты общества, связанные с государственными институтами: управлением, судопроизводством, образованием, и дифференцировалось от социальных институтов традиционных, «варварских» и «языческих» обществ (*gens*) – то есть в буквальном переводе на русский, родов, родовых общин.

«Если «этнос» образован от древнегреческого *ethnos* (народ) и в качестве специального понятия вошел в язык европейской науки лишь во второй половине 19 столетия, то «нация» (от лат. *patio*, которое в свою очередь восходит к *nasci*, что означает «рождаться») активно употреблялось еще историками и писателями Древнего Рима. После распада великой Империи возникшие на ее территории христианские королевства и народности, формировавшиеся в раннем средневековье, переняли вместе с латинским языком (языком ученых и духовенства) и дихотомическое употребление двух слов: *patio* и *gens* – для обозначения «цивилизованных» («христианских») народов и «варваров» («язычников»)» [5].

Характерно, что изначальный дуализм понятийной пары «*patio* – *gens*», то есть «нация – родовые общины» (или даже – «языки», т.е. диалектные группы), проводя жесткую и достаточно очевидную грань между развитым гражданским обществом императорского Рима и варварскими обществами имперской периферии, фактически совпадает с предлагаемым авторами разделением понятий нации и этноса между сферой отношений, опосредованной государством – для нации, и сферой массовой рутинной повседневности и традиции – для этноса.

Не менее характерно, что позже, в европейском Средневековье, понятие «нации» обозначало не только страты, связанные с тем или иным государством, но и любые рационально организованные и достаточно автономные социальные группы – такие, как ремесленные цехи и университеты, рыцарские и церковные ордена, имевшие в то время целый ряд черт «государств в государстве», то есть в значительной степени обладавшие политической и правовой субъектностью.

Европейская промышленная революция постепенно расширила понятие нации до совре-

менных границ: сначала номинально – за счет уничтожения сословий и провозглашения гражданских свобод, а затем и практически, по мере втягивания все больших масс населения в сферу государственных и гражданских институтов, распада сельской общины, урбанизации, охвата все больших масс населения государственной системой образования.

Таким образом, возникнув еще в древнеримскую эпоху, понятие нации устойчиво обозначало социальные группы, рационально организованные в рамках государств и сходных политических образований, отношения в которых строились на основе гражданско-правовой системы, то есть «цивилизации» в первоначальном, древнеримском, смысле и контексте этого слова.

При этом понятие нации, тесно коррелируя с понятием «цивилизации» как социально структурированного сообщества граждан, формируемого политическими институтами государства, противопоставлялось «нецивилизированным», традиционным обществам (сначала – «варварам» римских провинций, позже – «дикарям» и «язычникам» европейской колониальной периферии) с характерным для них обычным правом и другими институтами родоплеменного строя, то есть ранним этносам. Таким образом, этимология и история нации как понятия также недвусмысленно определяет нацию как устойчивую антитезу традиционной родоплеменной общине, этносу.

Таким образом, объективный характер и научная продуктивность разграничения сфер этнического и национального, предложенная авторами на основе анализа современных процессов глобализации, подтверждается и в исторической ретроспективе. При этом гипотеза одновременного участия индивида в нации и в этносе как самостоятельных социальных группах, связанных с различными социальными статусами и ролями, не только снимает противоречия при-

мордиалистского и конструктивистского подходов, разграничивая области их применения, но и дает ключ к объективному системному анализу характерных для глобализации социально-политических процессов.

Литература

1. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и нация как субъекты глобализации // Социально-гуманитарные знания – 2011. – №4. – С. 218-232.
2. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация как дивергенция: кризис нации и «ренессанс» этноса // Вестник Бурятского государственного университета. Вып.6 (Философия, социология, политология, культурология). – Улан-Удэ, 2011. – С.17-23.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. Пер с польск. – М.: Логос, 2005. – С. 199-201.
4. Балашов Ю.А. Разделенные народы в мировых политических процессах: история и современность. – Нижний Новгород: Изд-во «Медина», 2008. – С. 3-10.
5. Кагиян С.Г. Нации, этносы и национализм: социально-философский анализ этно-национального дискурса [Электронный ресурс]: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – М.: РГБ, 2005. – (Из фондов Российской государственной библиотеки). – С. 26.

Сафонов Андрей Леонидович, кандидат технических наук, проректор по международным отношениям Московского государственного индустриального университета, доцент кафедры истории и социологии, г. Москва, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

Орлов Александр Дмитриевич, кандидат технических наук, доцент кафедры гуманитарных науки филиала Московского государственного индустриального университета, г. Москва, e-mail: aorlov2004@rambler.ru.

Safonov Andrey Leonidovich, candidate of technical science, vice-rector for international relations, associate professor, department of history and sociology, Moscow state industrial university, Moscow, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

Orlov Alexandr Dmitrievich, candidate of technical science, associate professor, department of humanitarian science, Moscow state industrial university, Moscow, e-mail: aorlov2004@rambler.ru.

УДК 316.42(470)+316.6:130.3(470)+316.752:140.8(470)

© Л.Н. Антропьянская

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются социальные перемены в устройстве современного российского социума, а также особенности и перспективы его развития.

Ключевые слова: переходная эпоха, проблемы духовности, социальные перемены, новая система ценностей, картина мира, новая ментальная среда, тенденции развития, системный кризис.